

«С ТВЕРДЫМ УБЕЖДЕНИЕМ И ДОБРЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ»

Имя митрополита Иосифа (Семашко) тесно связано с воссоединением униатов и православных в 1839 году. Правда, личность эта по разным причинам известна лишь узкому кругу специалистов, что можно считать несправедливым, учитывая значимость этой исторической фигуры. Сейчас, когда существование суверенной Республики Беларусь стало реальностью и завершило многие исторические процессы, необходимо вывести имя этого православного иерарха из забвения и показать его заслуги перед современным белорусским обществом, государственностью и культурой.

Митрополит Иосиф (в миру Иосиф Иосифович Семашко) родился в 1798 году на Украине в униатской шляхетской семье. Его предки и ближайшие родственники были греко-католическими священниками. Будущий митрополит получил высшее духовное образование в Главной католической семинарии при Виленском университете. Это открывало для него огромные возможности карьерного роста. Действительно, в 27-летнем возрасте он уже стал прелатом и занимал должность заседателя во 2-м департаменте Римско-католической коллегии в Петербурге, то есть участвовал в делах высшего управления униатской церкви в России. Семашко вполне мог рассчитывать на епископский сан, но к 1827 году он полностью разочаровался в униатстве и решил перейти в православие, поступив в иноки Александро-Невской лавры. Однако этому не суждено было сбыться. Семашко случайно представилась редкая возможность высказать перед высшими сановниками Российской империи свои взгляды на религиозную ситуацию. Иосиф использовал этот шанс не только для описания положения унии в России, но и для решительного заявления: союзная Риму часть белорусской и украинской церкви может быть возвращена в прежнее пра-

вославное вероисповедание. Встретив заинтересованность императора Николая I, Семашко, выступая в роли советника правительства, сумел с 1828 по 1830 год провести реформу униатской церкви. Ее суть заключалась в эkkлезиологическом укреплении униатской церковной общины и ограждении ее от влияния польских помещиков. В дальнейшем, используя плоды реформ, принесших, прежде всего, новое самоощущение белому духовенству, Иосиф, возведенный в 1829 году в сан епископа, добился постепенного приближения униатской церкви к православию в организационной, литургической и канонической сферах. Одновременно он лично и через доверенных помощников убеждал клир в необходимости присоединения к Русской церкви. В 1839 году Семашко возглавил собор униатского духовенства в Полоцке, на котором было принято решение о разрыве союза с Римом и возвращении в православное вероисповедание. После Полоцкого собора Иосиф Семашко возглавлял Литовскую и Виленскую епархию, полностью состоящую из бывших униатов. Возведенный в 1852 году в сан митрополита, он деятельно трудился над утверждением православной веры среди паствы, особые усилия прилагая к тому, чтобы защитить ее от нападков поляков и латинского прозелитизма. Проверкой его усилий стало восстание 1863–1864 годов, показавшее нежелание белорусов возвращаться к униатской старине и то, что теперь они решительно отделяли свои интересы от польских. Скончался митрополит Иосиф в 1868 году в Вильно, где и был погребен. Личность и служение владыки Иосифа крайне негативно оценивается в польской и значительной части современной белорусской историографии. Польские историки справедливо указывают на удар,

который деятельность этого православного иерарха нанесла позициям костела и польским интересам в «кресах восточных». Белорусские авторы утверждают, что разрыв части белорусской церкви союза с Римом, главным инициатором и двигателем которого был Литовский митрополит, затормозил процесс развития национального самосознания и становления белорусской нации. И те, и другие обвиняют его в предательстве католицизма и унии, в том, что его деятельность носила характер репрессий в отношении греко-католического духовенства, в насилии над религиозной совестью простого народа. Как правило, все эти негативные оценки ярко эмоционально окрашены и отличаются тенденциозным подбором фактов. А некоторые моменты прямо свидетельствуют о недостаточном уровне исследовательской работы, проведенной авторами.

Чтобы дать более-менее адекватную оценку деятельности этого иерарха, прежде всего необходимо рассмотреть самое тиражируемое представление о митрополите Иосифе как предателе католицизма и унии. В исторической литературе часто можно встретить хлесткое прозвище «Иудушка Семашко», а также упоминание о том, что Литовского митрополита называли предателем католицизма некоторые православные епископы – его современники.

Важно заметить: названное прозвище митрополиту Иосифу дал в 1858 году А. Герцен, обвинив его в предательстве польских революционных сил в Беларуси. Более абсурдного обвинения иерарху, всю жизнь посвятившему борьбе с полонизмом и, разумеется, не сочувствовавшему революционным идеям, придумать невозможно.

В свою очередь оценки отдельных православных епископов, в частности, пресвященного Гедеона Полтавского, вытекают из общего незнания и непонимания православным духовенством того, что и каким образом произошло с унией в России и какова во всем этом была роль Семашко. Такие мнения в среде велико-

российского православного клира быстро исчезли, но до сих пор на них любят ссылаться.

Возвращаясь к сути проблемы, хотелось бы акцентировать следующее: в религиозной сфере не существует понятия предательства. Есть поиск и выбор пути ко спасению. Об искренности религиозного выбора Семашко свидетельствует то, что в его деятельности до и после воссоединения нет признаков ренегатства, которые легко можно найти в деяниях высокопоставленных предателей, известных истории [1, с. 184–189]. Поэтому на обвинение в предательстве можно ответить очень просто: славой православия является обращение к нему униатского священника. В 1827 году, решившись лично перейти в православие, Семашко написал такие строки: «Видим вероисповедание, которое питаем, леность вместо трудолюбия, гордость вместо смирения, строптивость вместо послушания, – которое ожесточает людей противу ближних, которое содержит народ в презрительном невежестве, которое разрывает узы, природою и верою освященные, которое ставит брата противу брата, гражданина противу гражданина, – неужели поносно оставить оное? Избираем старательно общества для образования ума и сердца нашего – неужели постыдно избирать вероисповедание, приводящее к добродетели и вечному спасению» [2, т. I, с. 309]. И это достойный ответ обвинителям.

Существует и еще один вопрос, который задают, чтобы бросить тень на духовный облик этого иерарха: как, имея православные убеждения и действительно стремясь к ликвидации унии, Семашко мог оставаться униатским епископом? Но сам этот вопрос возникает в результате подмены понятий. Когда современный человек,

Митрополит
Иосиф (Семашко)

интересующийся историей Беларуси, слышит выражение «ликвидация», или «уничтожение» унии, он, мысля секулярными категориями, представляет этот процесс как репрессии и физическое уничтожение. На самом же деле речь идет не об уничтожении религиозной общины, а о том, что эта община в полном составе возвращается к вере предков – источнику своего духовного здоровья и жизни. И в этом случае поступок Иосифа Семашко есть деяние искренне религиозного человека и мудрого духовного пастыря.

Найдя Истину, он не уклонился от того, чтобы через все кажущиеся непреодолимыми преграды и ожидаемые заранее обвинения привести к ней единокровных собратьев. С такой точки зрения он предстает как великий патриот своей земли.

Но очевидно, что митрополит Семашко в жизни и служении проявил волонтаризм того свойства, который меняет судьбы народов. В итоге, стереотипная мысль о ренегатстве Литовского архиерея – это, с одной стороны, эмоциональная реакция тех сил, которым он нанес мощнейшее поражение, с другой – ловкий прием. Пора, наконец, снять с доброго имени владыки эти голословные и неумные обвинения. Ведь они мешают увидеть реальные масштабы и значение его личности в истории нашего народа и государства.

Нельзя не обратить внимание и еще на один очень важный момент: практически все негативные оценки личности и деятельности митрополита Иосифа основаны на утверждении (объективно недоказуемом да и не доказываемом его авторами), что уния была национальной религией белорусов и в пределах России в первой трети XIX века соединенная церковь была крепкой, а ее проблемы являлись исключительно следствием религиозной нетерпимости православных властей империи.

При ближайшем рассмотрении это утверждение оказывается не более чем мифом. Во-первых, как показывает исто-

рия христианства, давление со стороны власти способно сократить численность адептов религии, но не может привести здоровое религиозное общество к полному исчезновению. Скорее наоборот – гонения, не связанные с поголовным физическим истреблением верующих, внутренне укрепляют вероисповедание. Следовательно, дискриминация российским правительством униатов не могла повредить соединенной церкви, при условии ее внутренней крепости, но должна была усилить ее духовно и нравственно.

Во-вторых, экклезиологический анализ состояния унии в России в последние три десятилетия перед началом подготовки воссоединения открывает, что униатская церковь представляла собой весьма печальное зрелище и не могла собственными силами преодолеть накопившиеся проблемы. Главной из них был раскол духовенства на две противоборствующие клерикальные группировки, одна из которых вела унию к растворению в польском католичестве, а другая старалась отстаивать самобытность греко-католической церкви. Причем, адепты приближения унии к латинскому обряду явно преобладали. На их стороне были иерархия и базилианское монашество, они пользовались поддержкой поляков, сосредоточили в своих руках практически все церковные финансовые средства и имели влияние в Петербурге.

Патриоты же унии после 1809 года находились в самом низу церковно-административной иерархической лестницы. Лишь несколько образованных белых униатских священников, желавших спасти свое вероисповедание, занимали места в среднем звене церковного управления. Естественное развитие этой ситуации вело к двум возможным вариантам разрешения: униатская церковь в России становится фактором либо окатоличивания белорусов и украинцев и последующего перехода их в сферу польского культурогенеза, либо превращается в питательную среду для возрождения исконного на этих землях православия и возвращения белорусского и украинско-

го этносов в сферу восточнославянского этногенеза. В основной массе белорусы-униаты неизбежно должны были пополнить ряды костельных поляков, укрепляя силы полонизма в Беларуси. Об этом свидетельствует то, что согласно косвенным подсчетам П.О. Бобровского, невзирая на законодательные запреты правительства, с 1805 по 1828 год уния в пользу латинского обряда лишилась не менее 200 тыс. прихожан [3, с. 163–164]. Находящаяся в состоянии кризиса греко-католическая церковь не могла миссионерствовать и распространить влияние на весь белорусский народ. Представление об унии как национальной религии белорусов абсурдно хотя бы только потому, что православным белорусам того времени придется отказаться в их «белорускости».

В отличие от современных апологетов унии, Иосиф Семашко, участвуя в жизни греко-католической церкви, видел ее настоящие проблемы и задумывался над ними. «Я ознакомился, – писал он в своих воспоминаниях, – ...с весьма затруднительным, если не бедственным положением Униатов между Православною и Римско-Католическою Церковью. На них Православные нападали с явным ожесточением, тесня их по разным делам, часто видимо несправедливым; Римляне же брали от них все без огласки, под видом дружбы. Это заставило меня часто призадумываться, и признаюсь, в сердце своем я извинял более Православных, нежели Римлян. Первые, по крайней мере, враги и не без повода, думал я, Униаты обыкновенно отплачивают им тоже враждою: но за что же их обижают друзья» [2, т. I, с. 20]. Осознав, что главная опасность для унии исходит от внутренних латинизаторов, Семашко старался по мере сил отстаивать интересы соединенной церкви. Однако эти усилия оказались бесплодными, что привело его к окончательному разочарованию в унии. В итоге он не захотел служить «орудием окончательного изменения оной в Латинскую» [2, т. I, с. 30]. Наряду с религиозными Семашко беспокоили и этнокультурные проблемы. Он видел – в унии белорусам и украинцам

навязываются элементы польской культуры и языка, что приводит к денационализации исконной культуры. Как следует из контекста его записки «О положении в России Униатской Церкви и средствах возратить оную на лоно Церкви Православной», с которой и начался процесс воссоединения, он предложил русскому правительству присоединить к православию греко-католиков империи лишь тогда, когда на личном опыте убедился в том, что в унии все культурные начала, основанные на восточной христианской духовности, в том числе и древние белорусские, не развиваются, а уничтожаются, и этот процесс невозможно остановить изнутри. К сожалению, указанный мотив Семашко к ликвидации унии пока игнорируется многими отечественными исследователями. Более глубокое изучение наследия митрополита показывает, что он был уверен в этническом и духовно-культурном единстве белорусов, малороссов и великороссов.

Спецификой его взглядов, намного опередивших время, было то, что митрополит видел русскую общность не в единообразии по великорусскому образцу, а в многообразии традиций и языковых форм народной жизни. Так, в 1849 году в письме обер-прокурору А.Н. Протасову он писал: «Да впрочем, пора бы, кажется, и порицателям воссоединенных напомнить, что они ставят себя в смешную позицию тех, которые осуждали бы победителя, приобретшего целую провинцию, потому единственно, что там носят не такие шапки и лапти, как в Смоленской губернии, и

Лицевая и оборотная сторона медали с надписью «Отторгнутые насилем (1839) воссоединены любовью (1839)», выпущенной в память возвращения униатов в лоно Русской православной церкви

...Главный принцип, на котором строилось дело воссоединения, митрополит Иосиф выразил следующим образом: «Народ Униатский, за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в Унию, и будет Православным, как скоро его пастыри будут Православны».

говорят другим языком или диалектом» [2, т. II, с. 400]. Фундамент единства восточных славян Литовский митрополит мыслил как единство вероисповедания, а внешние различия считал естественными и имеющими право на существование. Это же касалось и церковных традиций. Например, оглядываясь на свои труды после Полоцкого собора, он писал в 1861 году: «Остается изменить, что изменится только временем, а может быть, и должно остаться навсегда, как местность» [2, т. I, с. 255].

Этнокультурные взгляды и политика Семашко, пользовавшегося, вопреки распространенному сейчас мнению, огромным авторитетом среди православного духовенства, повлияли на самоощущение и поведение священников, особенно из униатских священнических родов. Это вело к тому, что белорусы, перешедшие в православие, осознавая новую реальность религиозного единства с великороссами и украинцами, сохраняли свои особые черты. Никто из воссоединенных не стал считать себя русским, и это дало мощный толчок развитию белорусского самосознания и формированию белорусской нации. Поэтому странно выглядят утверждения, что ликвидация унии и деятельность Иосифа Семашко затормозили эти процессы. Они, наоборот, ускорили их, освободив белорусов от удушающего наследия Речи Посполитой.

Тема личности и служения митрополита Иосифа содержит в себе много аспектов, которые невозможно рассмотреть в рамках статьи. Однако есть ключевая проблема, объединяющая в себе ответы на все вопросы. Это репрессии в отношении униатского духовенства и насилие над свободой совести простого народа, которые, якобы, в массовом масштабе были применены во время ликвидации унии. Следует заметить, что Литовский митрополит прекрасно понимал: полицейские меры нельзя использовать как средство решения религиозных вопросов. Религия – это область свободы, и насилие здесь ведет к прямо противоположным результатам. «Содействие же полицейских властей... – писал владыка Си-

ноту 12 июня 1843 года, – не всегда может быть полезно, а часто даже бывает и вредно» [2, т. II, с. 227]. Поэтому он никогда не полагался на насилие. Унию митрополит Иосиф представлял как тонкий налет на теле белорусской и украинской церкви, который оказал воздействие на духовенство, но не изменил глубинных пластов народного самосознания. Главный принцип, на котором строилось дело воссоединения, он выразил в 1838 году следующим образом: «Народ Униатский, за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в Унию, и будет Православным, как скоро его пастыри будут Православны» [2, т. II, с. 79]. Поэтому воссоединители не трогали народ. Его пытались беречь только польские паны, испугавшиеся за унию как оплот власти над белорусами. Так что говорить о насилии над свободой совести простых верующих безосновательно. Семашко оказался прав. Народных волнений при воссоединении не было. По этому поводу киевский военный генерал-губернатор Д.Г. Бибииков докладывал правительству: «Все бывшие униаты без малейшего прекословия воссоединились к вере отцов, принося при том в церкви некоторые церковные утвари и Царские врата, которые, в прежнее время насильственного их обращения в унию, были исторгнуты из церкви» [5, л. 8].

В числе прочего репрессиями в отношении духовенства называют вызовы священников в Жировичский монастырь для изучения правильного чина богослужения, переводы в другие приходы, временное отстранение от священнических обязанностей с переводом на причетнические должности, высылки вглубь России. Заметим, что первые три меры относятся к обычной практике епархиального начальства, используются и сейчас и ни у кого из членов церкви не ассоциируются с репрессиями. Методы и сама обстановка работы со священниками в Жировичах в целом хорошо известны – упор делался на убеждение и доброжелательное отношение [4, с. 69–70]. Действительно репрессивной мерой можно назвать высылку священников в ве-

ликороссийские монастыри. Она была применена к 40 несогласным на воссоединение духовным лицам [5, л. 15 об.]. Но и они в течение 1839–1841 годов, за исключением нескольких вышедших в светское звание, вернулись на родину и присоединились к православной церкви. Всего в православие в 1839 году перешло 1300 священников, так что масштабы репрессий удивляют своей ничтожностью и несравнимы с тем, что творилось при введении унии в Речи Посполитой.

Здесь нужно понять следующее: светские историки, которые особое внимание обращают на насильственные меры в отношении униатского духовенства, попадают в жестокую ловушку. Дело в том, что религиозные убеждения являются самой мощной мотивацией неконформизма. Любой священник знает: его повиновение любым властям простирается только до вопросов вероучения. Далее следует твердость духа вплоть до мученичества. Подписки о принятии православия дали 1300 священников. Они же безоговорочно приняли постановления Полоцкого собора. Если предположить, что их просто запугали, то такое возможно исключительно при одном условии: все они были неверующими и им было безразлично в каком вероисповедании зарабатывать на хлеб насущный. Имеют ли светские ученые право бросать в лицо 1300 белорусским и украинским священникам обвинение в неверии в Бога и, следовательно, в лицемерии худшего свойства? Исследование документов, оставшихся от дела воссоединения, приводит к выводу, что униатский клир не был уверен в религиозной правде унии и призыв к православию, прозвучавший из уст Семашко, был воспринят с сочувствием. Именно на это указывал правительству преосвященный Иосиф в 1832 году, когда писал, что униатское духовенство спокойно смотрит «на будущие довольно видимые для Унии последствия» [2, т. I, с. 597].

В завершение остается сказать несколько слов о вкладе Иосифа Семашко в белорусскую историю. Основой любой нации является духовное и культурное единство.

Белорусы, в начале XIX века входившие в состав униатской и православной церквей, были разобщенным народом. Уния могла бы стать национальной религией белорусов (это говорится с пониманием всех проблем такого определения), если бы она сумела распространить свое влияние на весь народ, сплотив его в своем лоне, но в силу названных причин она на это была не способна. Несомненно, в униатской церкви сложился определенный пласт культуры, специфически соединивший белорусские и польские элементы. Но стоила ли эта синкретическая польско-«русинская» культура единства белорусского этноса?

Деятельность митрополита Иосифа Семашко объединила белорусов в религиозном и в итоге – в культурном плане. Это религиозно-культурное единство и стало основанием белорусской нации и ее современной государственности. Пример духовно и культурно разобщенной страны демонстрирует Украина, где уния и православие до сих пор противостоят друг другу.

Ревнителям униатской старины жаль унии: их питают многочисленные мифы. Главное, что заставляет многих ностальгировать по союзной Риму белорусской церкви – это представление, что через нее белорусы были причастны Европе. В противоположность им митрополит Иосиф, изнутри хорошо знавший реалии унии, считал ее средневековой попыткой Запада, прежде всего Польши, усилиться за счет православной церкви, сделав наш народ своим этническим материалом не считаясь с его историческими интересами. Примечательно, что мысли, созвучные взглядам митрополита Иосифа, в наши дни высказывают не белорусские, а некоторые западные ученые. Деятельность Семашко оценивается ими как благо и «конец лживой европеизации». Самого же митрополита называют «главным обновителем православной, и в этом смысле действительно европейской, Беларуси» [6, с. 115].

Протоиерей Александр РОМАНЧУК,
кандидат богословия, г. Гродно ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Романчук Александр, священник. Митрополит Иосиф Семашко. Религиозные и морально-нравственные основы деятельности // Нёман. – 2003. – № 8. – С. 184–189.
2. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: Т. 1–3. – СПб.: тип. имп. А.Н., 1883. – Т. 1. – 745 с.: 1 л. портр.; Т. 2. – 786 с.: 1 л. портр.; Т. 3. – 1042 с.: 1 л. портр.
3. Бобровский, П.О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам П.О. Бобровского. С приложением алфавитных указателей имен и предметов / П.О. Бобровский. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. – 394 с.
4. Антоний (Зубко), архиеп. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. СПб., 1889. С. 38–76.
5. РГИА в Петербурге. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 415. Журнал заседания Синода по вопросу воссоединения униатов с Православной церковью с указами Синода епископам Зап. Губерний по осуществлению воссоединения, письма из Витебска о ходе воссоединения.
6. Гштрайн, Х. Наследие и наказ святых Мефодия и Кирилла в качестве европейской миссии православия в Беларуси / Х. Гштрайн // Кафоликия: Сборник научных статей / Под ред. А.В. Данилова. – Мн.: Тесей, 2003. – 128 с., ил.